

Семинар 1. Софисты и демагоги: восстановление имен

Кажется, что современные нам трактовки софистов и демагогов, наделенных отрицательной коннотацией, не дают права на восстановление некоего доброго имени. И те, кто продолжает использовать в сфере коммуникации именно нарицательные определения, не зачем разбираться с происхождением понятий. Разве не понятно, что демагогия не может не использоваться для манипуляций с общественным сознанием, вводя людей в заблуждения относительно подлинных целей говорящих. Да и зачем, еще раз менять смысл?

Действительно, можно оставить всё как есть, раз так сложилось. Но как вы отнесетесь к тому, как сегодня извращается понятие либерализма и критикуют тех, кто придерживается этой парадигмы человеческого миропорядка? Сторонники автократизма на каждом шагу проводят сравнение с тем, что либералы – это люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, попирающие традиционные ценности, доведшие идею толерантности до абсурда. Идея прав человека при этом проговаривается как бы между прочим, увязываясь зачастую с досужими рассуждениями всё о той же вседозволенности. Консерваторы-традиционалисты указывают на то, что принципы экономической свободы разрушают основы патернализма, тогда как государства и власть предрержащие с древности пытались выстраивать гармоничные отношения со всеми своими подданными. Да, были жестокие правители, но и они действовали, по их мнению, во имя общего блага.

Больше всех достается либертарианцам, которые стремятся минимизировать роль государств и, соответственно, автократических мир-систем. Защита последних признается и сегодня приоритетной задачей, особенно в условиях завершения Третьей волны демократизации. Идет процесс активной подмены понятий и это тот момент, о котором мы поговорим, так как, считаю, что в случае с софистами и демагогами произошло тоже самое.

Считается, что первым критиком софистов стал Сократ, авторитетом которого воспользовался Платон, чтобы обосновать свои взгляды. С учетом того, что сам Сократ ничего не написал, то довольно сложно выстраивать представления человека с позиции другого, хотя бы и его ученика. Ведь тот же Сократ и его идеи, следуя за истоками формирования древнегреческой мудрости, послужили основой для формирования многих философских школ, от киников и до Академии того же Платона. Притом, что Сократа самого обвинили в софистике, и сделал это Аристофан в своей комедии «Облака».

В 427 г. до н.э. Сократу было около 47 лет и он еще не достиг своего акме, но был уже достаточно известен. Аристофан скептически воспринимает его и тех, кто погружается в процессы мышления, считая их хитрецами и учителями хитрости. Попутно говорится, что Сократ не чтит традиционных Богов и наряду со странным увлечением изучения неких

небесных светил и облаков, он дурачит легковверных граждан и их детей. Аристофану претит искусство рефлексии, с одной стороны, и утрата простых отношений, с другой стороны. Не случайно он обрушивается и на демагогов во «Всадниках», считая их самодовольными краснобаями, и, по всей видимости, прилежными учениками софистов.

Впрочем, заметим, знаменитый комедиограф все же не был противником демократического устройства Афинского полиса. Чего мы не можем сказать ни про Платона, ни про Аристотеля. Они воспользовались тем, что в среде софистов была определенная конкуренция и, скажем, тот же Исократ поспособствовал созданию дурной репутации своих коллег. Тем не менее, именно софисты выполняли важнейшую роль в формировании гражданственности, а значит, критикуя их, философы действовали в интересах авторитарных форм правления. Ведь с позиции элитарности не стоит допускать до обучения простых людей и лучший способ нанести вред идее, это опорочить тех, кто так или иначе принимал участие в ее реализации. Платон поэтому и прикрывался авторитетом Сократа, чтобы контрабандой протащить свои идеи об идеальном полисе. По той же причине он пытался найти не испорченное софистами общество и обратился к деспотическим правителям Сиракуз – тирану Дионисию, а позднее к его сыну. Результат оказался печальным для философа, хотя и не фатальным для его мировоззрения.

Разумеется, Платон в своей критике софистов не столь прямолинеен как Аристофан. Так он особым образом критикует релятивизм Протагора, считая, что на поверхности лежат профанные взгляды для обывателей, тогда как подлинной сутью является их эзотерический смысл. Интересно, что Бертран Рассел сомневается в интеллектуальной честности Платона, подозревая его в том, что тот использовал чужие взгляды только с точки зрения оправдания своих представлений [Рассел, с. 119]. Другой мыслитель XX столетия Карл Поппер прямо называет Платона отцом тоталитаризма и стремится развеять его интеллектуальные чары [Поппер].

Способность сомневаться, которую развивали софисты, не могла не вызывать раздражение у тех, кто изрекал высшие истины. Сократ также сомневался, но из него Платон сделал акушерку последнего знания. Припоминание подлинного знания не равно пониманию того, что «я знаю, что я ничего не знаю» или понимания того, что «человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют». Ибо в этом случае любая точка зрения могла стать более значимой, но и она оставалась относительной, становясь лишь более приемлемой. Платон же вместо исследования идеи пользы и относительного не находит ничего лучшего, чем пуститься в рассуждения о том, что Протагор как софист берет деньги за обучение. В «Софисте» он прямо пишет о крупных торговцах знаниями, охотящимися за молодыми и богатыми людьми, которым продают не истинное, а мнимое знание [Платон, т. 2. с. 294, 297].

Софисты по Платону лицемеры и фокусники: «Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству,

запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет истинного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо» [Платон, т. 2, с. 345].

Поэтому, он в случае с Протагором и пускается в осторожные рассуждения о том, что мыслитель как бы прикрывается именем софиста, находя его удобным для себя [Платон, т. 1, с. 426-427]. Спор же свелся лишь к тому, можно ли обучить добродетели и мудрости как таковым, где Сократ побеждает, сводя разговор к бессмысленности идеи Протагора о пользе. Платон вкладывает в уста Сократа слова о многословности Протагора и его неспособности кратко излагать свои идеи. И после продолжительного спора Протагор признает превосходство своего оппонента: «Я одобряю, Сократ, и твоё рвение, и ход твоих рассуждений. Да и я, думается мне, не такой уж дурной человек, а зависти у меня меньше, чем у кого бы то ни было. Я многим говорил о тебе, что из тех, с кем я встречаюсь, я всего более восхищаюсь тобой, особенно между твоими сверстниками. Я даже утверждаю, что не удивился бы, если бы и ты стал одним из людей, прославленных мудростью. О наших вопросах мы поговорим в другой раз, когда тебе будет угодно,..» [Платон, т. 1, с. 476].

Заметим, что даже в случае с Протагором, Платон не оставляет своего отрицательного отношения к софистам, хотя и подчеркивает, что среди них изредка встречаются достойные мыслители. С Горгием он уже не церемонится. По мнению Барбары Кассен, суть всех диалогов Платона сводится к тому, «чтобы сделать из софиста негативное alter ego философа: его дурное "другое"» [Кассен, с. 7]. В свою очередь заметим, что поведение философа крайне близко к последовательному выражению мести и за Сократа, и за то, что ему пришлось спастись бегством из Афин. Среди тех 500 присяжных, кто приговорил в 399 г. до н. э. Сократа к смерти, несомненно, были и те, кого обучали софисты. Сама же практика изгнания и казни сограждан была общепринятой и имела лазейку, когда осужденный добровольно покидал Афины, фактически признавая свою вину. Сократ предпочел защищаться, но проиграл, что позволяет сделать выводы не в его пользу, как человека, который не отличался нужной для этого случая гибкостью ума. Разумеется, речь могла идти о защите принципов, но и тогда он должен был понимать, перед кем выступает. А своим пренебрежением к судьям и их решению он добился того, что 361 человек проголосовали за смертную казнь.

Полагаю, что Платон достиг своей цели, а критика несовершенных демократических институтов продолжается до сих пор. Для примера приведем рассуждения доктора исторических наук Г. Демиденко, который в своем научно-популярном очерке делает следующее умозаключение о том, что Сократ стал жертвой деградирующей афинской демократии, где отсутствовало понимание того, что решения должны принимать лучшие. В целом исследователь предлагает ничего не выдумывать, а следовать за

Платоном, Фукидидом и Ксенофонтом, у которого можно обнаружить свою долю истины [Демиденко, с. 8].

Идеальный вариант лучших правителей, как мы помним из того же Платона, это правители-философы или те правители, которые станут философами. И если даже Сократ выступал против назначений по жребию, то, скорее всего, он апеллировал к пользе практической целесообразности. О других же основаниях для критики демократического устройства Афин мы ничего не знаем, а рассуждения о богах и дурном влиянии на юношей как-то не вписываются в идейное противостояние. Платон не мог напрямую уличить главных обвинителей Сократа Анита и Мелета в связях с софистами, тем более, что сам Анит входил некогда в круг друзей философа. Версию о том, что обвинительную речь написал софист Поликрат, мы не рассматриваем. Поэтому рассуждения могли идти о сторонниках защиты старого политического строя, который и критиковал Сократ. И если бы он снизил градус своей критики, унял презрение к демосу, и не потребовал от своих судей обеда за общественный счет в Пританее, то все могло бы обойтись.

Уже ко времени Аристотеля демократическое устройство стало терять свои позиции, подвергаясь все большему давлению со стороны автократических и олигархических политических режимов. Одновременно шло и падение авторитета софистов, переключившихся с философских рассуждений об истинной пользе и выгоде, на умение красиво аргументировать свои высказывания. Внешняя форма поглотила внутренний смысл. Аристотель прямо указывает на мнимый характер умозаключений софистов. В «Софистических опровержениях» он рассматривает их не в аспекте политической жизнедеятельности, а только как людей, которые хотят казаться мудрыми [Аристотель, т. 2, с. 536]. Они стремятся к однозначности в своих умозаключениях и признания этого другими, но только в конкретном случае. Что значительно сужает полезность их выводов, не имеющих всеобщего значения, даже если их умозаключения были правильными. Вся их мудрость строится на пустословии и выявлении погрешностей в речи, рассуждает Аристотель и как бы не замечает, что Сократ у Платона действовал именно таким способом. Но приходится учитывать, что его выводы о софистах не являются поиском истины, а лишь формой обвинения. Возможно, что этот грех лежит и на мне, но в данном случае я не смог найти возражений, сделанных в адрес Аристотеля софистами или его собственных сомнений. Зато перед нами огромный текст, изобилующий повторами, посвященными изобличению сомнительных мыслителей.

И все-таки Аристотель проговаривается, когда признает возможность софистов повлиять на мнение большинства: «Так как из мнений большинства одни таковы, что если [отвечающий] их не признает, то утверждают, что он ошибается, а другие не таковы, например спорные мнения (в самом деле, тленна или бессмертна душа живых существ, – это для большинства вопрос нерешенный), когда, стало быть, не известно, какой ответ обычно дают на поставленный вопрос – как изречения ли (изречениями называются и

правильно мнения, и общие высказывания) или как [такие положения] вроде: диагональ несоизмерима [со стороной квадрата], об истинности чего мнения расходятся, – то [во всех таких случаях] лучше всего говорить иносказательно, ведь когда не известно, на какой стороне истина, не возникает подозрения в том, что сочиняют софизмы, а когда мнения [о чем-то] расходятся, не подозревают, что говорят неправду. Ибо иносказательность делает речь не поддающейся опровержению» [Аристотель, т. 2, с. 570].

В данном аспекте все предыдущие критические рассуждения о софистах показывают, думается, и иную мотивацию, выходящую за рамки теоретического спора. Ведь пока сохранялись малейшие остатки демократического политического устройства, мнение большинства продолжало играть свою определяющую роль. С точки зрения собственных политических построений и поиска идеального политического устройства, философ избрал мишенью для своей критики именно демократию, а не автократических правителей. И здесь мы обратимся к его критике в адрес демагогов, в которых он видел людей идущих на поводу у черни. В «Политике» можно прочесть следующее о демократии, как неправильной форме политического устройства: «В этом случае простой парод, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом, (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании» [Аристотель, т. 4, с. 497].

Сказанное позволяет сделать вывод философу о том, что именно из-за демагогов, подменяющих собою действия народного собрания, нельзя говорить о демократии в собственном смысле. Рассуждая об Афинской демократии, Аристотель оговаривает, что прежде демагоги были людьми достойными, но после Перикла таковых не стало [Аристотель, Афинская полития, с. 40]. Особое внимание он уделяет беспринципности демагогов, которые шли на все, чтобы быть вождями большинства, простых и не имеющих заслуг граждан. Фактически имело место сближение подобного рода вождей с теми, кого в последующем будут характеризовать в качестве охлоса – черни. Не случайно, что расширение избирательных прав в современную эпоху, привело к возвращению в политическую лексику понятия демагогии и, соответственно, негативной коннотации. Здесь стоит

вспомнить еще об одной идее, которую предложил Аристотель, когда писал о вырождении демократии в тиранию. По его мнению, именно из демагогов чаще всего и выходили тираны.

Среди аргументов против демократии всегда присутствует, что говорится, железный довод, это описание неспособности простых людей самостоятельно думать и их падкость на обещания. Об этом как раз и писал Аристофан:

Ведь демагогом быть – не дело грамотных,
Не дело граждан честных и порядочных,
Но неучей, негодных... [Аристофан, с. 44].

Такое отношение к демагогам, а равно и к софистам имело свою собственную подоплеку. Не последнюю роль здесь играло желание ограничить возможности населения, того самого большинства, влиять на политическое устройство. Демос у того же Аристофана показан не очень далеким, падким до лести, обещаний и подарков ленивым стариком. Современные разговоры о пассивном социуме не очень далеко ушли от древнегреческой традиции. Как и тогда, люди в своей массе не стремятся к участию в политической жизни, оставаясь лишь номинально *zoön politikon*. Даже в условиях прямой демократии всегда стоял вопрос о том, как привлечь людей к выполнению ими гражданского долга. Теперь же обыватель и вовсе отдален от структур, призванных осуществлять власть от имени народа, что превращает его в того самого старика из «Всадников» Аристофана.

Впрочем, здесь как раз и лежит решение проблемы, когда речь будет заходить о подлинных предводителях народа – демагогах и их учителях – софистах. Во всяком случае, этот идеальный вариант мог бы изменить отношение к будущему демократии, как наиболее совершенной форме политического устройства. К этой гипотетической возможности мы вернемся в следующем семинаре.

Список литературы

1. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
3. Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
4. Аристофан. Избранные комедии. М.: Художественная литература, 1974. 493 с.
5. Демиденко Г.Г. Суд над Сократом: научно-популярный очерк. Харьков: Право, 2018. 568 с.
6. Кассен Б. Эффект софистики / пер. с франц. М.-СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга; Культурна инициатива, 2000. 238 с.
7. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона.

10. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. 992 с.